

Лилия Задорнова

***ЖИЗНЬ МОЯ,
иль ты приснилась мне...***

Лилия Задорнова

**Жизнь моя, иль ты
приснилась мне...**

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Задорнова Л. А.

Жизнь моя, иль ты приснилась мне... / Л. А. Задорнова —
«Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-906900-67-8

«Эта девочка родилась через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны в Литве, а точнее, в городе Каунас. В этот литовский город занесло её семнадцатилетнего отца Бруно Озерова по предложению Матвея Егоровича Сергеева обосноваться здесь, переехав из разрушенного послевоенного Смоленска. Матвей Егорович приходился Бруно отчимом. Мария Савельевна Озерова, мать Бруно, как и все они, жила в довоенном Смоленске. Работала она официанткой в ресторане НКВД, в браке не состояла, имела сынишку. Матвей работал там же поваром, там же и познакомились...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-906900-67-8

© Задорнова Л. А., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лилия Задорнова
Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

© Задорнова Л.А., 2020

Часть 1

Сила основана на неудачах, а не на успехе. Я стала сильной, когда плыла против течения...

Коко Шанель

Глава 1

Эта девочка родилась через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны в Литве, а точнее, в городе Каунас.

В этот литовский город занесло её семнадцатилетнего отца Бруно Озерова по предложению Матвея Егоровича Сергеева обосноваться здесь, переехав из разрушенного послевоенного Смоленска. Матвей Егорович приходился Бруно отчимом. Мария Савельевна Озерова, мать Бруно, как и все они, жила в довоенном Смоленске. Работала она официанткой в ресторане НКВД, в браке не состояла, имела сынишку. Матвей работал там же поваром, там же и познакомился.

Продолжительные и настойчивые ухаживания Матвея за Марией возымели-таки успех по главной причине: Матвей не пил. Вообще. Мария не отвечала в полной мере взаимностью на чувства Матвея, если под ними подразумевать любовь, позволяя Матвею любить себя. Невысокая, кареглазая, черноволосая, статная красавица, видимо наученная горьким предыдущим личным опытом, посчитала, что от добра добра не ищут. Не пьет, обладает надежной во все времена профессией повар, которая всегда прокормит. Любит ее и ее сынишку, руку на нее не поднимает, ну и ладно...

Матвей же собственной семьи не имел, не было у него и детей, поэтому готов был принять сынишку Марии и растить как своего. Надо сказать, что любовь Матвея к Марии была безграничной. Он хорошо чувствовал утонченность ее натуры, хотя сам был грубоват, что называется «не отесан». Всю их совместную жизнь был ей беспредельно предан. Брак они не регистрировали. Так и прожили вместе до конца жизни, деля быт, радости и невзгоды, которых было в их жизни существенно больше...

Грянула Великая Отечественная и Матвей был призван на войну. Воевал, дошел до Берлина. Во время войны участвовал в боевых действиях и на территории Литвы, в том числе и в литовском городе Каунас. Когда после войны возвратился в разрушенный войной Смоленск, с бывшим однополчанином решили переселиться с семьями в Каунас. Так и поступили: в конце 1940-х переехали туда из Смоленска, как потом оказалось – навсегда.

Поселились они в части города, расположенной вдоль реки Неман на улице Пушу, что в переводе на русский – Сосновая. Улица вполне соответствовала названию, поскольку находилась рядом с лесом. Район назывался Панямуне – возле Немана.

Занимали часть одноэтажного деревянного дома, состоящего из двух четырнадцатиметровых комнат. Одна из них была проходной, в ней находилась печь, которую топили дровами и углем. Из этой комнаты был выход в холодную, перегороженную на две части застекленную веранду. Другая половина дома была зеркальным отражением этой половины. Ее занимала другая семья. Единственным благоустройством в доме был водопровод.

Дом этот был одним из четырех домов, составлявших двор. Причем первый и четвертый дома были двухэтажными. Два одноэтажных – в середине двора. Раньше все четыре дома принадлежали живущему в одном из домов старому литовцу, которого все здесь называли «хозяином». После установления в Литве Советской власти вся его собственность перешла государству и все дома, принадлежавшие ему ранее, были заселены людьми, никакого отношения к

нему не имеющими, а ему в пользование оставлена одна из квартир в этих домах, поскольку частная собственность на жилье новой властью была отменена. В занятой Матвеем и Марией квартире ранее располагалась конюшня хозяина; теперь она была переоборудована для проживания людей.

Из шестнадцати живших во дворе семей две были русскими, другие четырнадцать – литовцы. Русскими были семья Матвея и Марии и семья Бровиковых, Анны и Василия с двумя сыновьями. Анька была типичной русской бабой, а Васька – тыловиком, занимавшимся снабжением действующей армии во время войны. Понятно, что эти две семьи были друзьями поневоле, поскольку остальные – литовцы и с пришлыми общаться желали далеко не все из них. Мария недолюбливала Бровиковых, называла Ваську с некоторым презрением «тыловой крысой» за то, что тот не воевал, а занимался снабжением армии, а также за его явно выраженные в характере подленькие черты. Матвей же имел в лице Васьки собутыльника и поэтому какого-никакого приятеля, которого «допускал» в свою жизнь до определенных пределов.

Матвей, будучи абсолютным трезвенником до войны, в военные годы, «благодаря» ежедневным наркомовским ста граммам, незаметно стал приверженцем водочки и перенес ее в свою послевоенную жизнь. Он, к ужасу Марии, стал периодически попивать.

К моменту переезда в Литву Бруно исполнилось семнадцать. Родился он до войны, в начале тридцатых годов. В то послереволюционное время в России было очень модно называть рождающихся мальчиков именем вождя, Владимира Ильича Ленина. Больше половины, процентов, может быть, шестьдесят новорожденных мальчиков были названы именем Владимир. В честь его же появилось новое имя – Владлен (сокращенно от Владимир Ленин). В честь Иосифа Виссарионовича девочек стали называть именем Сталина. Результатом настоящего творчества были имена Рэм (революция, электрификация, механизация), Ким (коммунистический интернационал молодежи).

Мария же назвала родившегося у нее сынишку не в честь кого-либо из вождей или каких-нибудь идей, а в честь прадеда, переселившегося в Россию из Германии еще в девятнадцатом веке и прожившего до ста лет. Поэтому сын ее и носил непривычное для русского человека немецкое имя – Бруно.

Был он парнем невысокого роста, сантиметров под сто семьдесят, подтянутым, с густой рыжей шевелюрой, серо-голубыми глазами и пухлыми, красиво очерченными губами. Никогда, даже в зрелом возрасте, не был полным. Был очень словоохотлив. Мог бесконечно рассуждать на любые темы, всегда имея на предмет обсуждения свой оригинальный взгляд.

Бруно был не без способностей. Еще в Смоленске мальчиком посещал художественную школу, рисовал, и неплохо. И только замечание его наставника по поводу неправильно нарисованной лапы орла явилось для него поводом оставить это занятие. Однако наличие художественного дара в последующем кормило Бруно. Уже в Каунасе на семейном совете было решено, что литовским языком он пока в полной мере не владеет, особой тяги к учебе не проявляет, поэтому следует выбрать какое-нибудь ремесло, которое бы его кормило. Была возможность освоить сапожное дело и он пошел учеником к сапожнику. Сапожником стал он классным и до конца своих дней, обладая хорошим вкусом и художественным даром, мог всегда себя прокормить.

Время было советское, поэтому заниматься частной предпринимательской деятельностью он, понятно, не мог. Не в то время родился! Он практически нигде официально не работал. Пару раз пытался поработать рабочим на государственных предприятиях, но через два-три месяца работы увольнялся: однообразная монотонная работа была не для него. Жил у предприимчивых людей, местных литовцев, которые поселяли его у себя, иногда в сарае, кормили и держали как источник дохода. Они нелегально продавали изготовленную Бруно эксклюзивную, иногда просто уникальную, обувь по своим каналам и по ими же установленным ценам, платя мастеру крохи от дохода.

Во время обучения сапожному делу, в достаточно молодом еще возрасте, Бруно познакомился с литовкой по имени Дана, которая была на пару лет старше его. Дана была противоположностью Бруно. Ростом она была с него, но плотного телосложения; статная, но склонная к полноте. Была белокожая, темноволосая и голубоглазая. Какими-либо особыми талантами не отличалась, но была трудолюбива, обязательна, в меру разговорчива.

Результатом их знакомства и непродолжительного общения стала беременность Даны. Решено было жениться, что и произошло. В конце июля у них родилась девочка, которую назвали Кирой – именем не русским и не литовским. Имя было выбрано компромиссным, имеющим греческое происхождение.

Жили молодые у Даны. Месяца через полтора после рождения девочки Дана начала работать кондуктором на городском автобусе, а ребенок на время ее работы оставался с бабушкой, матерью Даны – Эгле. Та была портнихой, шила на дому и могла присмотреть за внучкой.

Дана была чистокровной литовкой: также, как и все ее родственники, с трудом говорила по-русски. У нее были мать Эгле, сестра и два брата. Отца, закончившего до войны Санкт-Петербургский университет и преподававшего в Литве русский язык, к тому времени уже не было. Он был призван на войну, когда Советская армия дошла до Литвы, и почти сразу же убит в бою.

Очевидно, что брак Даны с русским юношей у ее родни восторга, мягко говоря, не вызывал. Брак и рождение девочки считались ими большой ошибкой Даны, а также позором для добропорядочной литовской семьи. Тем более что зять был «гол как сокол», «выпить не дурак» и был страшно ревнив. Так Бруно как-то решил проехаться с женой во время ее работы кондуктором на городском автобусе. Проехался... Увидев, как один из пассажиров заулыбался молодой симпатичной кондукторше и попытался с нею пошутить, хорошенько «потрепал» не только пассажира, но заодно и жену с ее кондукторской сумкой. Такие сцены периодически происходили как дома, так и за его пределами. Иногда на лице Даны оставались следы выяснения отношений с мужем, что, в свою очередь, не могло не оставить след и на взаимоотношениях супругов.

Мария периодически приходила навестить внучку к невестке и сватье и ее не покидало ощущение, что эта девочка в новой семье сына никому не нужна. Как-то, наблюдая, как Эгле дает девочке бутылочку с холодным молоком, взяв ее с подоконника, Мария, возмущившись, сказала:

– Что же вы молоко не подогреете, ребенок же заболит. Может, в конце концов, и умереть.

На что получила от Эгле ответ:

– А ей жить-то зачем? Она никому не нужна...

Мария, когда Кира достигла шестимесячного возраста, попросила Дану:

– Послушай, тебе некогда заниматься девочкой, ты много работаешь. Отдай Киру нам с дедом, мы ее вырастим.

Особых возражений со стороны родителей Киры не было, и Дана с Бруно, которому вообще было не до дочери, отдали Киру русской бабушке Марии. Отдав, родители больше не касались дочери. Они не помогали Марии с Матвеем и материально. Девочка находилась на полном содержании бабушки с дедом, которые растили и воспитывали ее как собственную дочь, возлагая на нее все не оправданные Бруно надежды.

Мария принесла девочку домой на улицу Пушу и соседка Анька, видя как Кира, подняв головку, внимательно по периметру осматривает потолок, сказала:

– Ну... По всем приметам – хозяйкой будет!

Кира родилась в конце июля и по западному гороскопу проходила как Львица.

Интересующимся и доверяющим гороскопам известно, что отсчет знаков зодиака по западному гороскопу начинается по месяцам от точки весеннего равноденствия по ходу дви-

жения Солнца. Оно пребывает в каждом знаке около месяца и переходит в следующий знак в двадцатых числах каждого месяца. Проходя через знаки зодиака, Солнце имеет свое неповторимое влияние на человека. От его положения в определенном астрологическом знаке зодиака можно определить не только потенциал конкретного человека, но и сделать вывод о его выносливости, упорстве, развитии, целеустремленности, темпераменте, способностях, недостатках...

Лев – пятый знак зодиака, знак Огня. Управитель знака «Лев» – Солнце. Оно наделяет Льва жизненной и творческой силой, отвагой, искренностью, великодушием и щедростью. Львы обладают качествами, которые свойственны царственным особам: чувством собственного превосходства, гордостью, желанием быть в центре внимания, повелевать. Манеры и внешность Львов часто несут отпечаток царственности, чувства собственной значимости и права на первое место во всем.

Львам не свойственны мелочность и подлость. Поставленных жизненных целей они добиваются честными и открытыми путями. Они придают важное значение внешней, парадной стороне жизни. Львы обожают приемы, презентации, спектакли, церемонии, званые вечера... Они обладают хорошим вкусом. Лев практически всегда способен постоять за себя и за свои убеждения, используя не только убеждения, но и силу. Лев обладает сильной волей, он решителен и деятелен.

Личная жизнь Львов практически никогда не бывает безоблачной. Они умеют завоевывать внимание противоположного пола, стремясь выделиться и выбрать выдающегося партнера. А вот заурядный человек вряд ли будет ими замечен.

Впрочем, Львам присуща определенная театральность и драматизм: захваченные романтикой новых отношений, они иногда с удовольствием «играют» в любовь. Львы требуют безраздельного поклонения себе. В любви, равно как и в семейной жизни, они вполне могут быть деспотичны, но никогда не опускаются до мелочных придирок. В браке они ценят надежность и преданность супруга, нуждаясь при этом в постоянном подтверждении своего главенства и исключительности.

Приведенную выше характеристику знаку зодиака «Лев» дал не автор. Так утверждает западный гороскоп, периодически публикуемый в самых различных изданиях. Интересно, а что же скажет само течение жизни Киры на этот счет?

Глава 2

Итак, с шестимесячного возраста растили Киру бабушка Мария Савельевна, которую девочка всегда называла «бабуся», и Матвей Егорович, отчим ее отца. «Старики», которым к этому моменту было около пятидесяти и которых «стариками» можно было назвать лишь условно, души не чаяли в девочке. Любили Киру, особенно Матвей, который баловал ее, как только мог.

Жили очень бедно. Не голодали только потому, что Матвей работал поваром в офицерской столовой в центре города: сам был всегда сыт и мог принести домой какие-то продукты... Мария работала санитаркой в противотуберкулезном санатории, расположенном в прилегающем к улице Пушу лесу, на холме, недалеко от дома. Работала тяжело и много: убирала палаты, мыла коридоры санатория, приносила проходившим лечение еду... Будучи человеком добрым, часто выполняла и личные просьбы больных.

Киру отдали в ясли-сад, который находился в соседнем дворе за штaketным забором и поэтому хорошо просматривался из окон дома Марии. Поскольку большинство детей в саду были местными, то есть литовцами, в саду Кира училась говорить по-литовски, а дома говорила на русском. То есть с детсадовского возраста владела в равной степени двумя языками, русским и литовским.

Кира была ребенком спокойным, своим поведением не доставлявшим взрослым каких-либо особых проблем. Однако в ее пятилетнем возрасте воспитатель детского сада стала замечать, что девочка практически перестала играть, стала грустной, молчаливой... Обследовали. У Киры оказалась открытая форма туберкулеза легких: было поражено правое легкое.

Мария не стала помещать внучку в детский противотуберкулезный санаторий, который находился также в Панямуне, на одной из соседних с Пушу улиц. Решила лечить своими силами, на дому. Договорилась с медсестрой из своего санатория, которая приходила к ним домой три раза в день и колола Кире пенициллин. Параллельно проводилось и другое лечение. Кашлять было очень больно. Когда Кира видела в окно, что к ним идет медсестра, забивалась за печь, вывести ее оттуда было непросто. Плевалась в сестру и другими возможными способами препятствовала уколам. Но, что делать, лечить было необходимо...

Через год лечение было закончено. Кира выздоровела и стала опять посещать сад, но до совершеннолетия состояла на учете в городском противотуберкулезном диспансере, где ежегодно ей делали флюорографию, контролируя состояние легких. Затем, по достижении ею восемнадцати лет, с учета сняли. Больше ее легкие беспокойства не вызывали.

Шло время, конец пятидесятых двадцатого века. Все советские люди просто обязаны были быть атеистами. Как говорила о себе Мария, в душе она была – «беспартийный большевик». Мария и Матвей, никогда не состоявшие в Коммунистической партии, были убежденными атеистами и, конечно, привили эту убежденность Кире. Но, несмотря на это, Мария решила окрестить внучку. Вызвано это желание было тем, что Бруно не был крещен и, может быть, стала думать Мария, в этом крылась причина того, почему стал он «непутевым», не оправдал ее надежд. Мария понимала, конечно, что причиной сложившегося образа жизни сына может быть наследственность или результат воспитания. А может, и то и другое... «Хуже не будет, если я окрещу Киру», – решила Мария.

В тот год Неман вышел из берегов и снес деревянный мост, соединявший район Панямуне от дороги в центр города через район Шанчай. В районах Панямуне и Шанчай располагались войсковые части Советской армии. Жили там военнослужащие со своими семьями, а также находились казармы с призывниками, составлявшими часть дислоцированных здесь войсковых частей. Были здесь и частные дома с местным населением, но значительную часть этих районов занимали все-таки военные.

Единственная православная церковь находилась в центральном районе города, недалеко от железнодорожного и автобусного вокзалов, куда попасть Мария в тот момент, когда задумала крестить Киру, не могла из-за разлива реки. Добираться паромом не захотела, побоялась. Тогда и решила она пойти в расположенный недалеко от дома на улице Вайдото небольшой католический костел и попробовать окрестить внучку там. В конце концов, мать у девочки католичка, родилась она здесь...

Католический священник возражать против крещения наполовину русской девочки в католическом храме не стал, сказав, что бог един для всего человечества. Он лишь различными религиями называется по-разному. Назначил день крестин. Так Кира стала католичкой с присвоенным ей святым именем. В миру у нее осталось имя, данное ей при рождении, а святым, данным ей при крещении, стало имя Эяна.

Глава 3

Дана и Бруно, вскоре после того как отдали Киру «старикам», стали жить отдельно, переехав в крохотную квартирку, расположенную в одноэтажном деревянном домике в том же районе Панямуне, в паре километров от улицы Пушу. Жили по-прежнему с постоянным выяснением отношений, загулами Бруно. Это, однако, не помешало им через год и девять месяцев после рождения Киры родить еще одну девочку, которую по настоянию Марии назвали Ольгой.

Практически единственным развлечением для Марии был поход в кино и чтение книг. Других развлечений для людей ее возраста в то время практически и не было. Мария зачитывалась произведениями А.П.Чехова, Н.А.Некрасова, А.С.Пушкина. В основном это была русская классика, выбор был традиционным. Избранное ею имя для вновь родившейся внучки было выбрано из числа имен героинь произведений этих авторов.

Но рождение второй дочери не спасло семью Даны и Бруно. Прожив еще пару беспокойных лет, они разошлись. Бруно ушел, Дана осталась с Ольгой. Киру так и растили Мария с Матвеем. Обе девочки росли в разных семьях и ходили в разные детские сады.

Дана недолго оставалась одна. Она уже работала не кондуктором, а бухгалтером одного из пассажирских предприятий города и вышла замуж за одного из водителей по имени Витас, работавшего там же.

Витас был чистокровным литовцем. Высокий, статный, по-мужски красивый. После рождения у них общей дочери Риммы, в которой Дана души не чаяла, Ольгу отдали в недельную детсадовскую группу, то есть домой ее забирали на субботу и воскресенье, остальные дни девочка находилась в детском саду.

Надо сказать, что Мария, понимая, что ей уже было хорошо за пятьдесят, всячески способствовала тому, чтобы Кира общалась как с Ольгой, так и с остальной семьей невестки. Периодически уговаривая Киру поехать к матери, она говорила внучке:

– Кира, ты пойми, мы с дедом рано или поздно умрем, а ты останешься одна. Человеку очень плохо, тяжело жить одному. Поезжай к матери, у тебя там две сестры, тебя никто не гонит, мать тебя принимает, Витас не обижает. Запомни: ласковый теленок двух маток сосет...

Слова о «ласковом теленке» возмущали Киру и отбивали у нее всякое желание ехать в гости к матери, тем более что от бабушки она слышала немало негативного о Дане. Все-таки, как ни крути, Мария была свекровью Дане, а значит во многом, почему ее Бруно остался без семьи, была виновата именно она, жена.

«Сосать двух маток» Кире было противно, она постоянно сопротивлялась этим поездкам уже зная, что одна из «маток» от нее по сути отказалась. Но Марии все же порой удавалось ее уговорить съездить к матери и благодаря этому Кира общалась и с Ольгой, и с матерью, и со второй, только что родившейся, единоутробной сестрой Риммой, разница в возрасте с которой у Киры составляла десять лет.

Как и полагалось, каждая, достигнув семи лет, сначала Кира, затем и Ольга, отправились в школу. Киру Мария отдала в школу с преподаванием на русском языке, где обучалось русскоязычное население. Ольгу же Дана определила в школу-интернат, где обучение велось на литовском. Школа-интернат территориально располагалась за пределами города. Само название такой специализированной школы говорило о том, что учились там дети из неполных или проблемных семей. Жили они в школе-интернате неделю и могли возвращаться в семью на полтора дня в неделю, со второй половины дня субботы и до завтрака понедельника. Отпускали их домой также на каникулы и праздники. Дане было явно не до Ольги, она создала новую семью и была в ней откровенно счастлива.

Ольга росла девочкой красивой. Среднего роста, стройная, темноволосая, голубоглазая с пухлыми, красиво очерченными губами – она была очень привлекательной. Кроме того, девоч-

кой была умненькой. А еще очень любила петь и в самом деле пела хорошо. В школе-интернат был свой небольшой вокально-инструментальный ансамбль, руководил которым учитель пения. Ольга была в нем солисткой до окончания школы.

Кира пошла в первый класс в начальную школу в своем районе, училась хорошо и ровно.

В сентябре, когда начался учебный год в третьем классе, Мария узнала, что в городе открылась школа-интернат для русскоязычных детей. Определить туда Киру особого труда не составило – девочка росла без родителей, фактическим воспитателем ее была бабушка. И Киру без особых проблем взяли в этот интернат.

Матвей был категорически против! Он не понимал, зачем нужно отдавать в интернат ребенка, с которым не возникает особых проблем?! Для Марии же, которая для своего возраста, перевалившего уже за пятьдесят, достаточно тяжело физически работала, ухаживая в санатории за туберкулезными больными, убирая их палаты и целые этажи, это был выход. Кроме того, после школы внучка приходила домой и находилась там до ее возвращения одна, без присмотра. Потом – проверка уроков, ребенком нужно было как-то заниматься... В конце концов, интернат – это же не детский дом?

Мария страшно терзалась, правильно ли она делает, отдавая Киру в интернат? Внучке она объясняла:

– Пойми, если со мной что-то случится, ты будешь под присмотром государства, уж оно-то тебя не оставит. Я буду за тебя спокойна.

Шли шестидесятые и они, русские люди, жили все же не в России...

С тяжелым сердцем приведя Киру в интернат и передав из рук в руки воспитателю, она в изнеможении опустилась на ступеньку чистой каменной лестницы здания школы и почувствовала, что все вокруг перед глазами – серая пелена, а сердце как будто остановилось...

Матвей так никогда и не смог простить Марии этого ее шага и всю оставшуюся их жизнь при любом удобном случае припоминал ей этот интернат.

Глава 4

Советский Каунас жил своей размеренной жизнью. Трудолюбивые литовцы, равно как и немногочисленное русскоязычное население города, любили не только поработать, но и отмечали различные праздники, а главное – умели это делать. Ежегодные праздники национальной песни и танца у подножия горы Жалякальнис, дни национальных ремесел на пешеходной Лайсвес аллее, дни города, ионинес в конце июня и другие самые разнообразные праздники собирали огромное количество участников. Практически каждый каунасец считал своим долгом принять участие в них в том или ином амплуа.

Время не шло – просто летело!.. Девочки росли. Обе учились в школах-интернатах, хотя и в разных, расположенных в разных частях города. Кира – в интернате № 2 с преподаванием на русском языке, Ольга – № 1 с преподаванием на литовском. В выходные на полтора дня Кира приезжала к бабушке Маше и Матвею, Ольга – к матери. Но чем старше становились девочки, тем чаще Ольга проводила выходные у бабушки Маши и Матвея.

Как-то раз Мария с соседкой Анькой по-женски обсуждали всякие новости, дела, сплетничали, не обращая внимания на то, что рядом крутится Кира.

– Ты знаешь, Ань, – рассуждала Мария, – Оля растёт красивой девчонкой, характер, правда, будет не подарок. А вот у Киры хороший характер, да и человек она будет хороший, но жаль, что по сравнению с Олей Кира – ну дурнушка...

Больше ничего из той беседы Кира не помнила, но те бабушкины слова, что она некрасива, хотя бабушка и сравнивала ее только с сестрой, сопровождали ее сознание значительную часть жизни. Сопровождали до тех пор, пока, став самостоятельной личностью, она сама не смогла определить свое место среди других женщин, как окружающих ее, так пусть и не знакомых, но обращавших на себя ее внимание.

После того как Кира закончила пятый класс, Мария решила на лето определить ее в детский противотуберкулезный санаторий. Возможность у нее, как у работника другого подобного санатория в том же городе, была. И, хотя Кира уже больна не была, поправка ее здоровья под наблюдением медиков в лесу среди сосен была очень кстати. Тем более, девочка не будет болтаться без присмотра все лето – ведь целый день Мария и Матвей были на работе.

В санатории было хорошо. Жить в определенном режиме Кире было вполне комфортно, ведь она уже три года отучилась в школе-интернате, где царил совершенно четкий и не утомлявший ее режим. Жизнь по каким-то другим правилам, позволявшим делать по своему усмотрению что угодно и когда угодно, была бы для нее уже другой жизнью, не факт, что более привлекательной. А тут подъем в определенное время, зарядка, завтрак, медицинские процедуры и различные занятия, чтение книг и игры, обед, обязательный послеобеденный сон, полдник, свободное время на территории санатория, ужин...

Все это было пусть и ежедневно, но все равно – очень разнообразно. Взаимоотношения между детьми, – которые дружили навсегда, некоторые недолюбливали друг друга, кто-то враждовал между собой, кто-то сплетничал, кто-то плел интриги, – вносили в ограниченные определенными рамками сутки свой неповторимый колорит и так разнообразили течение жизни, что говорить о скуке или о том, что все уже надоело, не приходилось.

И тут случилось с Кирой непредвиденное – случилась любовь.

А на самом деле, как определить, что такое любовь, чтобы стало все ясно и понятно? Возможно ли смысл любви передать словами? Определение любви пытались дать философы, психологи, химики, филологи, математики... Признаки ее многократно описывали и описывают поэты и писатели...

Точное определение любви не смогла дать ни одна наука, поскольку каждая из наук изучает лишь один из ее аспектов, а любовь – явление многогранное, объединяющее физические,

умственные, эмоциональные, духовные человеческие составляющие. Каждый человек точно знает, что это любовь, когда она приходит, но дать окончательное определение любви пока не смог никто.

Двенадцатилетнюю Киру накрыло цунами – мания. Этот тип любви, по грекам, основан на длительном эмоциональном экстазе, на одержимости чувствами, на переоценке значимости этой любви. Греки называли эту любовь «безумием от богов». Древнегреческий философ Платон и поэтесса Древней Греции Сапфо так определяли симптомы мании: сердечный жар, смятение и боль мятущейся души, потеря сна и интереса к еде. Все эти признаки у Киры были налицо!..

Мария сразу заметила, что возвратилась Кира из санатория другой. Это сразу же сказало и на учебе. Если до шестого класса Кира ровно успевала на отлично по всем предметам, то после этих летних каникул произошло четкое разграничение ее успеваемости по предметам: точные науки давались явно тяжело, а вот языки, история, география и другие – по-прежнему «на ура». Причем Кира не учила грамматику по русскому, но неизменно писала диктанты, изложения и сочинения на пять. Учитель русского, устав с ней бороться на этот счет, как-то после разбора проверенных работ по русскому языку сказала одному из учеников:

– Ошибок – куча. Ты знаешь все правила, но не умеешь применять их. Лучше бы уж ты не учил их, как Кира, но писал бы по-русски, как она!

Изменение в ее поведении было замечено и педагогами, которые отметили его ухудшение: невнимательность на уроках, некоторая замкнутость и заторможенность... Мария находилась в предистерическом состоянии: значит, гены Бруно перечеркивают все их с Матвеем старания. Значит, их любимая внучка повторит судьбу своего отца! И только одна из педагогов, возвратившаяся из декрета классная руководитель Маргарита Петровна Рупасова, понаблюдав за Кирой, утешила Марию Савельевну:

– Да не изменилась Кира, она – та же. Просто девочка влюбилась.

Это открывшееся и подтвержденное воспитателем новое обстоятельство в их жизни заставило Марию усилить наблюдение за внучкой. Она постоянно пыталась вызвать Киру на откровенный разговор по душам, чтобы помочь внучке уравновесить ее душевное состояние. Мария хотела узнать, кто же является объектом вождления ее девочки, но получала открытый отпор внучки, которая не желала идти на контакт и делиться с бабушкой информацией о повелителе всех ее мыслей. Тем не менее, установив причину произошедших с ребенком изменений, Мария несколько успокоилась. Жизнь продолжалась...

Постепенно открывались лидерские качества Киры. В старших классах она неизменно была одной из самых сильных учениц. Пользуясь авторитетом у одноклассников и учителей, последние годы была председателем совета отряда, который ежегодно избирался голосованием самих учащихся без коррекции со стороны классной.

Если школа, в которой училась Ольга, была средней, то интернат, где училась Кира, был восьмилеткой. После его окончания вставал вопрос: идти Кире куда-либо работать и одновременно получать среднее образование в вечерней школе или отдавать ее в обычную среднюю школу, чтобы она там получила полноценное среднее образование и могла учиться дальше. Подумав, Мария решила:

– Нет, Кире надо учиться. У нее есть мозги. Она должна получить высшее образование, чтобы не мыть всю жизнь полы, как я. Годы ее учебы в девятом и десятом классах как-нибудь переживем.

Понятно, что она имела в виду материальную сторону вопроса. И отдала Киру в находящуюся в районе Шансы школу, где обучались в основном дети офицеров, проходящих службу в дислоцированных в этом районе города воинских частях.

Да... Обучение в обычной средней школе отличалось от обучения в школе-интернате. Отличалось не самой формой и методами преподавания, не качеством обучения и получае-

мых знаний, а самой формой существования детей в каждой из этих школ. Интернат был и школой, и домом, где дети не только изучали математику, географию, историю, языки и все другие обязательные предметы школьной программы, но и учились жить, образуя коллектив надломленных взрослыми детей. В среднюю же школу дети приходили в основном из согретых домашним теплом семей только на уроки, после которых опять возвращались домой – и так ежедневно. Поэтому, в отличие от обычных школьников, дети школы-интерната являли собой в несравненной степени более сплоченный, чем в обычной школе, детский коллектив.

Придя в девятый класс средней школы, Кира была крайне разочарована обнаруженным ею отличием в отношениях между детьми, обучавшимися в средней школе, от отношений между детьми из интерната. Привыкшая к более тесным человеческим отношениям между детьми в интернате, она была разочарована, как ей показалось, холодностью отношений между школьниками в новых условиях. Но и в новой школе нашелся свой круг общения, свои подружки и друзья.

Через два года средняя школа была окончена, среднее образование получено. Перед Кирой открывалась новая, такая долгожданная, манящая своей неизвестностью взрослая жизнь...

Глава 5

Через месяц после окончания школы Кире исполнилось семнадцать. На семейном совете, состоящем из Марии и самой внучки, было решено, что Кира начнет работать, поскольку материальное положение семьи было плачевным, а параллельно год будет готовиться к поступлению в институт. Кира хотела стать журналистом.

После окончания средней школы из одежды у Киры было одно летнее платьишко, сшитое ею же самой на школьных уроках домоводства, и черная вязаная кофта. Надо было заработать на одежду, необходимую уже не школьнице, а девушке. Не было средств и на поездку для сдачи экзаменов в институт или университет, а хотелось ей учиться ни много ни мало где-нибудь в Киеве, Ленинграде или в Москве. Кира стала работать там, куда ее взяли еще несовершеннолетней, без специального образования, мотальщицей на местной ткацкой фабрике.

Когда Кира была достаточно маленькой, лет в пять-семь, бабушка Мария рассказывала ей:

– Я была молода, жила тогда в Смоленске. Однажды старец гадал мне на воде. Взял пустую бутылку, опустил ее в воду против течения реки и, слушая журчание воды, говорил мне о моем будущем.

Подробно маленькой внучке Мария о предсказаниях старца не рассказывала, но одно Кира запомнила навсегда.

– Он сказал мне, – продолжала Мария, – что умру я в шестьдесят пять лет.

Шли годы и девочка машинально отсчитывала возраст бабушки, хотя в такие глупости, как какие-то гадания и предсказания, абсолютно не верила.

В год окончания Кирой средней школы в августе Марии исполнилось шестьдесят четыре года. К этому времени она все еще работала санитаркой в том же санатории для больных туберкулезом. Также убирала и мыла палаты больных, коридоры санатория и все другие имеющиеся помещения на закрепленном за ней этаже.

Конечно, она прекрасно понимала значение образования и предоставляемые им возможности для внучки. Именно поэтому после интерната-восьмилетки решила дать возможность Кире получить среднее образование, без наличия которого получить высшее образование просто невозможно. Она всегда говорила:

– У Киры хороший ум, ей обязательно нужно учиться дальше. Вот я не выучилась, поэтому и мою полы и убираю дерьмо за другими всю свою жизнь!

К этому времени она говорила, что страшно устала от своей тяжелой жизни и хотела бы умереть.

– Одно меня беспокоит, – говорила она время от времени внучке, – как ты выживешь без меня рядом с пьющим дедом?

– Ну, во-первых, – трезво рассуждала Кира, – ты не умрешь, ты совсем не старая. А во-вторых, что за меня бояться, я же все умею: готовить еду умею, убираться – без проблем. Шить, вязать умею. Не пропаду.

Что так беспокоило Марию, почему свое беспокойство она связывала с Матвеем, Кира поняла несколько позднее, а пока ее обеспокоенность казалась внучке смешной и беспочвенной. То, что Мария последний год при кашле отхаркивалась кровью и что надо бы проверить легкие, было очевидным, но она этого не делала.

Шел конец весны, скоро август и Марии исполнится шестьдесят шесть лет! Все эти предсказания – враки! Кира так и знала, но на всякий случай хотела, чтобы август наступил все же поскорее.

В июне Марию обследовали тут же, по месту работы в санатории, и нашли открытую форму туберкулеза легких. Кашляла кровью она не зря! Ее положили в санаторий, уже лечиться.

Шел июнь. Было свежее прибалтийское лето. В те годы в субботу и воскресенье район города Панямуне, расположенный вдоль реки Нямунас, просто оккупировался каунасцами, которые после трудовой недели выезжали кто семьями, кто с друзьями, а кто и с теми и другими на Панямунский песочный пляж на целый день покупаться в реке, позагорать, попить пивка, а то и крепленого литовского винца или водочки.

Отдохнуть в выходные приезжал сюда практически весь город. А поскольку сам пляж не мог вместить все количество приезжавшего сюда народа, прилегающая к пляжу часть начившегося соснового леса была просто устлана отдыхающими. Иногда непросто было пройти мимо отдельных групп людей. Отдыхавшие брали с собой «скатерти-самобранки», на которых располагались сами и на них же расстилали скатерти с провизией на день: пили, ели, играли кто во что горазд, в общем, «культурно отдыхали».

На самом деле, местное население, и особенно литовцы, умели не только работать, но и действительно культурно отдыхать: откровенно пьяных практически не было видно; не дрались, рядом растущую зелень и кусты не поганили. Все было чинно и благородно!

Кира с Ольгой, которая после учебного года на каникулах тоже обитала у бабушки с дедом, жили рядом с Панямунским пляжем и ходили туда прямо из дома. Кира – покупаться, Ольга – позагорать и пособирать в свой адрес очередные комплименты от мужской части отдыхающих, плавать она не умела и учиться не желала. Кира была очень белокожей и ей постоянно кто-нибудь давал советы, как нужно загорать, чтобы не сгореть. А это уж она хорошо знала, так как лет в одиннадцать бабуся впервые взяла ее по путевке от своего санатория на Балтийское море, в Палангу. Там с Киры, побывшей на ветерке на пляже, когда солнце не было прямым, а было в дымке, вечером просто «чулком» снимали сторевшую кожу. А Мария, коря себя за такую неосмотрительность, причитала:

– Ну что же я, дура старая, недосмотрела! Должна была понимать, что на солнце с такой белой кожей – шутки плохи.

Остальное время Кира провела в тот раз в Паланге, практически сутками лежа на животе, с кефиром и сметаной на спине. Других доступных средств против подобного рода ожогов в то время в продаже просто не было. Остальные отдыхающие в это время купались в море и с удовольствием загорали. Так что советы по поводу правильного загара с ее кожей ей уже были ни к чему – у нее на этот счет был хорошо запомнившийся личный опыт...

Заканчивался первый месяц лета – июнь. Мария лечилась в санатории. Кира на застекленной веранде, которая летом служила кухней, на плите с газом в баллонах жарила для них с Ольгой блины. Неожиданно в дверях появился врач Лауринавичус, работавший с бабушкой в санатории. Жил он с ними в одном дворе в соседнем крайнем двухэтажном доме. Лауринавичус вошел в дом со скорбным лицом и сразу, без какого-либо вступления, сообщил, что Мария Савельевна сегодня утром умерла.

Сковородка выпала из рук Киры. Ольга заголосила, как голосят в этих случаях бабы... До шестидесяти шестилетия Марии оставалось чуть больше месяца. Ей было полных шестьдесят пять!

Ни Матвей, ни девочки не занимались организацией похорон и не знали, кто и на какие средства их провел. Похороны Марии превратились в большую процессию. Непонятно даже, откуда было так много народу, русских, а в большинстве своем – литовцев, на похоронах санитарки, простой русской женщины?! Мария искренне любила людей и они отвечали ей взаимностью.

Кира вдруг осознала, что практически ничего не знала о жизни бабушки до приезда ее в Литву. Просто ничего, кроме того, что та работала до войны официанткой в Смоленске в

ресторане для работников силовых органов и имела сына Бруно от какого-то Коваленко, который затем жил в Минске и погиб в годы войны на фронте. Были ли у нее оставшиеся там родные, почему она никогда не писала и не получала писем из России, были ли у нее братья и сестры; почему ее однажды в трагические тридцать седьмые на сутки арестовывали и сразу отпустили? Как она вообще жила и чем жила там, в своей молодости... Теперь она никогда этого уже не узнает...

Глава 6

Через месяц после смерти Марии Кире исполнилось восемнадцать, Ольге – шестнадцать, она еще училась в интернате, но лето проводила у сестры и деда Матвея. Когда начался учебный год, стала приезжать сюда же, в Панемуне, на выходные и каникулы. За нее уже отвечала Кира. Матвей души не чаял в Кире и хотя достаточно безразлично относился к Ольге, ничем не притеснял ее и тоже признавал своей внучкой.

После смерти Марии Дана предложила девочкам жить вместе с ней. К этому времени со вторым мужем Витасом они расстались и она жила в крохотной двухкомнатной «хрущевке» со своей матерью Эгле и восьмилетней дочерью от брака с Витасом – Риммой.

Девочки отказались переезжать к матери. Они остались жить в Панемуне с Матвеем. Кира работала, Ольга заканчивала среднюю школу-интернат. Матвей по-прежнему работал поваром в офицерской столовой Дома офицеров в центре города, подкармливая девчонок, чем очень их материально поддерживал.

После работы Матвей постоянно выпивал. Степень опьянения в выходной от работы день была большей, поскольку он мог пить в течение дня. Лежа в пьяном, полубессознательном состоянии на железной кровати в проходной комнате с печью, он все еще «воевал» и нес бог знает что:

– А-а-а-а, фашистские морды!..

Это определение относилось ко всем, с кем он в тот или иной момент конфликтовал или кем был просто недоволен. К Кире это не относилось никогда, поскольку ее он обожал. У него в определенные периоды жизни обязательно должен был быть «неприятель», с которым он мысленно выяснял отношения; мысли при этом он выражал в пьяном виде вслух. Это могло продолжаться часами, пока он не засыпал в пьяном бреду.

Через легкую фанерную дверь, ведущую во вторую комнату, где жили сначала Мария с внучками, а затем уже одна Кира с приезжающей по выходным Ольгой, было все прекрасно слышно. Поэтому приходилось засыпать под монотонное, но не тихое пьяное бурчание Матвея, который «продолжал борьбу» с «фашистскими мордами».

Очень скоро после смерти бабушки Кира поняла, почему в последнее время Мария, видимо понимая, что жить ей осталось немного, время от времени повторяла:

– Я устала жить, не смерти боюсь. Одного опасаюсь, что ты останешься жить здесь вместе с пьющим дедом!

В один из дней того же лета, когда умерла Мария, Кира возвратилась домой и застала такую картину. На застекленной летней веранде за прямоугольным столом выпивали и закусывали человек пять возрастных мужиков, лет по сорок-пятьдесят, во главе с уже захмелевшим Матвеем. На столе, соответственно, лежала разная еда и стояли две пол-литровые бутылки водки: одна полная, вторая – начатая, заполненная «живительной влагой» где-нибудь на три четверти.

Компания приветствовала молодую внучку Матвея и стала приглашать за стол. И тут вдруг молнией пронеслось осознание Кирой постоянно высказываемой бабушкой озабоченности. Она совершенно четко представила себе, как где-то валяется что-то бубнящий в пьяном бреду дед, а напившиеся и оборзевшие мужики насилуют ее и Ольгу. Все стало на свои места! Бабушка могла бояться именно этого, поскольку ничем Матвей, считавший девчонок своими внучками, их не обижал!

Реакция у Кире в минуты, когда требовалось срочное принятие решения, была практически мгновенной. Поэтому на предложение мужиков присоединиться к их компании последовал ее ответ:

– Спасибо, конечно. Но прошу послушать меня внимательно и серьезно отнестись к моим словам. Даю вам десять минут. За это время вы должны не только все убрать со стола, но и все до одного – освободить помещение. Если этого не случится, через десять минут бутылки с водкой будут мной выброшены в окно.

Мужики похихикали и продолжали выпивать и закусывать, а Кира ушла в свою комнату и засекала время на часах: хода обратно уже не было! Либо она сейчас победит ситуацию, либо уже никогда не будет строить свою жизнь по своим правилам! Она не знала, чем закончится ситуация: шестеро против одной! Пальцы рук немели, сами руки мелко дрожали, минутная стрелка на часах неторопливо, но упорно двигалась по кругу...

Ровно через десять минут она вышла на веранду. Компания как сидела, так и осталась: народ выпивал и закусывал... На Киру уже никто как бы и внимания не обращал. Она молча подошла к столу, взяла за горлышко початую бутылку водки, открыла форточку в застекленной веранде и выбросила бутылку. Сказала, что если сейчас компания не уберется, то же самое ждет и вторую. Бутылка, наполненная на три четверти водкой, описав в воздухе дугу, шмякнулась на землю и так и осталась лежать там, теряя «живительную влагу», которая лилась из ее горлышка прозрачным ручейком.

Мужики, не поднимаясь, загалдели, стали возмущаться, обращаясь к Матвею:

– Матвей, это что же себе позволяет твоя внучка? Мы первый раз пришли к тебе в гости, тихо-мирно сидим, а она что вытворяет, соплячка?!

Спас ситуацию именно Матвей.

– Ладно, мужики, собирайтесь, забираем все с собой. Пойдем на природу... Пошли, пошли... – отвечал он миролюбиво, принимая тем самым сторону внучки.

Кира ушла в комнату, а компания под неодобрительный гул уже «принявших на грудь» мужчин, забрав закуску и оставшуюся выпивку, удалилась и больше никогда не собиралась в доме овдовевшего Матвея.

Глава 7

Кира постоянно находилась в поиске себя, своего места в жизни. Каждый год на протяжении ряда лет она пыталась поступить в институт. Первые два года – на факультет журналистики, сначала в Киеве, затем – в Ленинграде. Но в первый раз написала сочинение на тройку и уехала, понимая, что для факультета журналистики такая оценка за сочинение равносильна провалу. Во второй раз недобрала необходимое количество баллов для обучения на стационаре, а на заочном отделении учиться не захотела.

После этого ее дядька, брат матери Викторас, имевший определенный вес и связи в городе, договорился в газете «Кауно тиеса» («Каунасская правда»), что она поработает там внештатным корреспондентом. Газета выходила на двух языках, литовском и русском. По поручению журналиста, за которым была закреплена, она взяла два интервью. Написала две заметки, которые были-таки опубликованы в газете, но узнала она их только по своей стоявшей в их конце фамилии. Над текстами поработал тот же пожилой усатый журналист, к неудовольствию которого к нему прикрепили соплившую девицу, как будто у него своей работы мало?

После этого интерес к профессии журналиста у нее пропал начисто. Унизительным показалось уговаривать всех дать интервью, поскольку давали его совершенно неохотно. Нужно было хорошенько поунижаться, чтобы хоть как-то разговорить интервьюируемого. Кроме того, работа над материалом показалась бессмысленной, поскольку опубликованное было просто неузнаваемым! «Спасибо дяде, а то вот так выучишься, а фактически окажется, что профессия-то совсем не твоя», – думала Кира.

На самом же деле от девчонки, только что закончившей школу, не имевшей не только специального образования и знаний, не только профессионального, но и жизненного опыта, вряд ли можно было ожидать сколько-нибудь качественного материала. Да и интервью брать нужно было уметь. Этому надо было либо научиться, либо надо было быть настолько талантливой, что обучение лишь отшлифовало бы этот талант. Видимо, особого природного журналистского дара, который сразу же, без специальной подготовки, и проявился бы, у девушки не было.

После расставания с мыслью о журналистике, Кира решила стать юристом, для чего, понятно, следовало закончить юридический факультет университета. Она никогда не сдавала экзамены в Вильнюсский университет, не имея намерения всю жизнь прожить в Литве. Последней попыткой было поступление на юридический в Калининграде, где жила какая-то очень дальняя бабушкина родственница – солнечная, добрейшая тетька Аня Батурина.

Когда Кира приехала в Калининград сдавать экзамены на заочное отделение юридического факультета Калининградского университета и остановилась у тети Ани, та сокрушенно повторяла:

– Ну почему же ты мне не сообщила заранее о своих планах, мы тут что-нибудь придумали, порешали бы? А теперь-то что делать?

– А что тут решать? Я сдам, и хорошо. Я твердо это знаю, – удивлялась Кира.

И сдала. Набрала двадцать четыре балла из двадцати пяти. Она точно поступила! Факультет был заочный, а отпуск у нее заканчивался и ей в университете предложили ехать домой. Заверили, что о решении приемной комиссии сообщат почтой. Через неделю она получила из университета сообщение о том, что ей отказано в зачислении на заочное отделение юридического факультета, поскольку она, хотя и набрала проходной балл, однако работала не по профилю, то есть ее настоящая работа не связана с избранной будущей профессией, требующей юридического образования.

Кира чувствовала себя котенком, которого за шкурку выбросили за дверь! Она никак не могла пробить стену, отделявшую ее от той, другой, такой заветной жизни! Один раз ее уже

выбросили из своей жизни ее родители и вот снова... У нее начинал развиваться комплекс неполноценности.

После окончания школы Кира постоянно где-нибудь работала. Однако механическая, монотонная работа удовлетворения не приносила.

Что же касается личной, так сказать, жизни, то у Киры ее просто не было. Все ее сверстницы влюблялись, расставались, ходили на свидания, целовались... Вокруг нее бурлила жизнь! Подружек у нее всегда было много. Встречаясь, все они делились новыми приключениями и открытиями. У Киры эта часть жизни не была ничем заполнена по одной причине – с двенадцати лет она была влюблена в Валеру Харина из того самого детского противотуберкулезного санатория. Чувство это было просто наваждением, не отпускало ее все эти годы. Вот уж действительно – мания!

Выписавшись из санатория семь лет назад, ребята разъехались по домам, по школам. В городе было несколько русскоязычных школ и Кира без труда по сарафанному радио знала, что Валера учится в средней школе, что в старом городе. Она, тихо страдая, была в общих чертах в курсе жизни Валеры, хотя их ничего и не связывало. Он был старше ее на год. После окончания школы он поступил в политехнический, но после первого курса неожиданно ушел служить в армию, имея намерение после нее продолжить учебу.

Кира в то время работала на местном радиозаводе, довольно известном предприятии, выпускавшем, в том числе, широко известные в Союзе в шестидесятые–семидесятые годы телевизоры «Шилялис». Она как раз работала в цеху, где производилась настройка звука и изображения в блоках, которые затем монтировались в эти телевизоры и обеспечивали в них должные уровни звука и качества изображения. Работа была механической, монотонной. Нужно было выполнить конкретную норму по настройке этих блоков. Настроенные сверх установленной нормы блоки давали неплохую прибавку к зарплате.

Кира работала на заводе уже около двух лет, норму выполняла легко. В этот день они с подружкой Далеёй, рабочие места их находились рядом, решили сходить пообедать в заводскую столовую, в которой готовили отменно и кормили заводчан недорого.

Территория завода представляла подобие мини-городка. Девушки спустились в большой внутренний полностью заасфальтированный двор, посередине которого и располагалось здание столовой.

Начиналось лето, светило солнце, спешить не хотелось. Шли они медленно, о чем-то мирно болтая. Как вдруг на другом конце заводского двора Кира увидела двух парней, выходящих им навстречу из другого цеха. Одним из них был Харин! Кира непроизвольно стрелой метнулась за угол здания и там остановилась. Всю ее била дрожь, лицо стало белым как мел, на лбу выступила испарина. Даля испугалась, посчитав, что у Киры, быть может, приступ в связи с какой-то болезнью? Конечно, это была болезнь, которой Кира страдала уже семь лет. Господи, как же излечиться, что делать?!

Кира отдавала себе отчет в том, что никакого интереса для Валеры она не представляет. Она и рядом не могла представить себя с этим красавцем, нарциссом и дамским баловнем. Шансов – ноль! Она все еще помнила разговор бабушки с соседкой Анькой о том, что Ольга по сравнению с ней – красавица. Этот разговор еще не один год занижал самооценку Киры.

Дале она ничего не сказала, сославшись на внезапное недомогание... Через несколько дней Кира нашла, как ей казалось, единственно правильное для себя решение. Она надеялась, что такой способ решения вопроса поможет ей избавиться от не просто мешавшего ей жить из-за абсолютной безнадежности на взаимность, но и страшно мучавшего ее уже семь лет чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.